

Л. Н. ПУШКАРЕВ

«Повесть о разуме человеческом»

Среди повестей XVII в. сказочного характера есть одна небольшая повесть, которая должна привлечь к себе внимание литературоведов и фольклористов. Впервые на это произведение было указано в описании Пискаревского собрания, сделанном А. Е. Викторовым.¹ В 1882 г. список этой «Повести» из сборника Погодина (№ 1952) отметил А. Ф. Бычков, не упоминая, однако, о существовании других вариантов «Повести».²

В VI томе ТОДРА М. О. Скрипиль опубликовал «Повесть» по двум известным спискам: ГБЛ, № 228/176 (6. Музейное собр., № 611 (из коллекции Пискарева) и ГПБ, собр. Погодина, № 1952, под заглавием: «Повесть о разуме человеческом».³ Не ставя перед собой задачу проанализировать публикуемые повести, М. О. Скрипиль не остановился ни на вопросах происхождения «Повести», ни на датировке ее.

В своем предисловии к публикации «Пискаревского летописца» О. А. Яковлева, описывая сборник, где этот летописец находится, также упомянула об интересующем нас произведении, сообщив о нем следующее: «Седьмая часть сборника начинается на л. 717 и заканчивается на л. 722 об. Она состоит из татарской сказки о царе татарской орды Слам-Гирее и его ближнем человеке Алтыне Золотом Слове, озаглавленной «От книг бытей татарских о разуме человеческом». Сказка эта делится на две части: первая часть — о спасении от царского гнева Алтыном Золотым Словом своего брата и вторая часть — о птичьем языке («Иная притча о том же царе»)⁴.

«Повесть», следовательно, давно уже была описана, научно издана по двум спискам, но до сих пор не подвергалась даже самому предварительному анализу. А между тем и по идеям и по своему содержанию, и по художественной форме «Повесть» заслуживает более детального рассмотрения.

Оба сюжета этой «Повести» характерны для восточного фольклора и восходят к глубокой древности. Один из сюжетов (переданный в русском варианте неполно) рассказывает о двух братьях — глупом (по другим вариантам — невежде) и умном (в нашей сказке Алтын Золотое Слово, по другим вариантам — лжец, хитрый придворный). Глупый брат, желая по-

¹ А. Е. Викторов. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д. В. Пискарева. М., 1871, стр. 46.

² А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, стр. 331.

³ М. О. Скрипиль. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. — ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 324—332 («Повесть» опубликована на стр. 324—327).

⁴ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. — Материалы по истории СССР, в. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 9.

хвастаться перед царем, произносит заведомую ложь («я слышал в воздухе собачий лай»), за которую царь приказывает его казнить. Однако изворотливый брат спасает его от смерти, объясняя ложь глупого брата тем, что орел схватил щенка, поднял его высоко в воздух, там щенок залаял. Царь пожаловал глупому брату кафтан. Эта часть рассказа о двух братьях в нашей «Повести» отсутствует, действие разворачивается в ней непосредственно с того момента, когда глупый брат объявляет царю, что он убил оленя одной стрелой, ранив его одновременно в правое ухо, в левое ухо и в левую заную ногу; олень упал, сам собой изжарился в кислой подливке, и охотник его съел. Снова царь велит казнить глупца, и снова хитрый придворный объясняет царю, что все это могло быть в жизни: олень чесал левое ухо левой задней ногою, стрелок метнул стрелу в правое ухо, стрела прошла насквозь, поразила левое ухо и ногу, упала, ударилась о кремень, искра зажгла находившуюся рядом солому, олень изжарился, а росший рядом куст смородины дал кислую подливку.

Второй сюжет, входящий в нашу «Повесть» и объединяющийся с первым общим именем главного героя — Алтына Золотого Слова, в восточном фольклоре существует отдельно и связывается обычно с именем известного газневидского султана Махмуда Газневиды (967—1030) и его везира Хусана. Султан Махмуд был известен своими жестокостями. Удачные войны, особенно грабежи Индии, принесли сказочные богатства верхушке знати, тяжелым бременем ложились на народ. По словам придворного историка Утби, жители «были обобраны, как бараны». Земельные участки были запущены, села опустошены, искусственное орошение пришло в упадок.⁵ Имя Махмуда, как это обычно и бывает в фольклоре, нередко опускается и заменяется или именем Ширван-шаха (грузинские варианты), Ислам-гирея (русская повесть) или просто безымянным ханом, султаном. В этом сказочном сюжете разрабатывается популярная для восточного фольклора (см., например, «Тысячу и одну ночь») тема укращения свирепого хана мудрым везиром. В анализируемой сказке Алтын Золотое Слово под видом пересказа разговора двух сов дает характеристику правления царя, опустошившего землю; царь, услышавший такой суровый о себе отзыв, становится милостивым.

Давняя популярность обоих сюжетов подтверждается тем, что уже в конце XVII в. они вошли в качестве притчей в состав так называемой «Книги мудрости и лжи» Сулхана-Сабы Орбелиани (1658—1725) — видного грузинского писателя, ученого-лингвиста и политического деятеля, сторонника просвещенного абсолютизма, приживавшегося русской ориентации. 150 различных сказочных и нравоучительных сюжетов, взятых им частично из «Калилы и Димны» и объединенных в одну книгу, пользовались большой популярностью: до нас дошло свыше 30 списков XVIII в. этой книги. Большинство сюжетов почерпнуто Орбелиани из сокровищницы фольклора.⁶

⁵ См. о султани Махмуде. Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 506—510, 528—530, 650—651, а также: БСЭ, 1-е изд., т. 38, стр. 499—500; 2-е изд., т. 26, стр. 548; Брокгауз и Ефрон, т. XVIIIа, № 36, стр. 823; E. J. W. Gibb. History of the fourty Vezirs, London, 1886, стр. 144—145.

⁶ Эта книга под разными названиями неоднократно переводилась на русский язык: см. Книга мудрости и лжи. Грузинские басни и сказки XVII—XVIII стол. Саввы-Сулхана Орбелиани. Перевод и объяснения Ал. Цагарели. СПб., 1878; Сулхан-Саба Орбелиани. Мудрость лжи. Перевод Ал. Цагарели, ред. С. Иорданишвили Тбилиси, 1939; Сулхан-Саба Орбелиани. О мудрости вымысла. Перевод Е. Гогоберидзе, под ред. Е. Лундберга. ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948; 2-е изд., ГИХЛ, М., 1951. Лучшее издание — Тбилиси, 1939. Перевод на немецкий язык: Die Weisheit den Lüge, gesprochen von Sulchan-Saba Orbeliani. Berlin, 1933 (Georgische Bibliothek, herausgegeben von A. Metreweli. № 1).

Проникновение восточного фольклорного материала в древнерусскую литературу началось еще в период Киевской Руси и продолжалось в течение последующих веков. Начиная с повести об Акире Премудром и кончая повестью о Еруслане Лазаревиче, мы находим в древнерусской литературе много примеров, подтверждающих давние культурные связи русского народа с народами Востока. Особенно популярны в древнерусской письменности были нравоучительные сказки и притчи, столь характерные для восточного фольклора (сюжеты из Акира Премудрого, Стефанита и Ихнилата, Варлаама и Иосафа и т. д.).

Наличие русской обработки восточной сказки о мудром советнике царя может быть объяснено также и тесными связями этого сюжета с русским сказочным сюжетом о птичьем языке. Сказки с этим сюжетом широко известны как в русском,⁷ так и в восточном фольклоре.⁸ Знание языка птиц или животных в качестве сказочного мотива входит в состав многих других сказочных сюжетов и является одним из распространенных способов проявления чудесного знания (или чудесного умения) главного героя. Этот мотив проник и в древнерусскую литературу. Так, в заключительной повести царевича Диоклетиана «О двух слугах царских и о Александре и о Людовике» (бытующей и в качестве отдельного произведения) из «Повести о 7 мудрецах» есть эпизод о египетском короле и 3 воронах, требовавших царского суда. Знание птичьего языка помогает Александру разрешить их спор.⁹ В 16-й притче «Стефанита и Ихнилата» говорится о двух совах, выученных говорить человеческим языком.¹⁰

Оба изданных списка «Повести» относятся к XVII в. — один к первой четверти,¹¹ второй — к середине. Оба списка являются копиями с более ранних вариантов, вернее всего — выпиской из какого-то сочинения, тематически связанного с татарской тематикой, что и дало основание переписчикам озаглавить свою повесть «Из книг бытей татарских» (или «Из книг быттейских собрание о татарских»). Русские варианты этого сюжета называют сказку «притчей», видимо, потому, что в конце ее имеется двойное нравоучение: во-первых, для царя, изменившего систему своего правления, и, во-вторых, для читателя: находчивый человек, умело пользующийся своим разумом, не только себя может спасти, но и дать облегчение многим людям. Интересно, что оба списка находятся в сборниках, включающих летописцы. Других произведений литературного характера в этих сборниках нет.

Время возникновения данной «Повести», как произведения недатированного, можно установить лишь приблизительно, опираясь главным образом на литературные аналогии. Верхняя хронологическая граница «Повести» — первая четверть XVII в. — определяется наличием рукописных списков «Повести». Что касается нижней хронологической границы, то едва ли можно будет ее опустить ниже конца XVI в.: и по своему содержанию, и по литературным образам, и по лексике интересующая нас «По-

⁷ См., например: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. II, изд. 5-е. М., 1938, № 138 и многие другие.

⁸ Сказка о птичьем языке составляет содержание первого рассказа из «1001 ночи» — рассказа о быке с ослом (см.: Книга тысячи и одной ночи, т. 1. Academia, М.—Л., 1932, стр. 15—18).

⁹ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. Л., 1934, стр. 124; И. Н. Жданов. Повесть об Александре и Людовике и былина «Нерассказанный сон». — Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895, стр. 155.

¹⁰ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 164.

¹¹ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 9.

весьма теснее связана с литературной традицией XVII, а не XVI в. В частности, обращение «Государь царь, вольный человек», имеющееся в этой «Повести», встречается и в «Повести о Еруслане Лазаревиче».¹² Образ опустошенной земли также больше характерен для литературы начала XVII в., когда в результате политики правительства Грозного и польско-шведской интервенции начала XVII в. громадные пространства центра России были опустошены и разрушены. Образ мудрого советника также находит себе параллели в литературе XVII в., главным образом в рыцарских романах и сказочных повестях. Поэтическая лексика «Повести» — большое количество диалогов, частые приложения типа «холопа своего, брата моего», «тебе, государю», «от тебя, государя» и т. д., неоднократное употребление частицы «де» и многое другое — может быть сопоставлена с лексикой таких произведений, как «Сказание о киевских богатырях», «Повесть о Дмитрии Басарге» и т. д. Наконец, именно для этого времени (20-е годы XVII в.) характерен повышенный интерес к личности Грозного и к его времени (см. «Пискаревский летописец», сочинения начала XVII в. и т. д.). Образ грозного султана в нашей «Повести» мог ассоциироваться у читателей с образом Ивана Грозного.

Эта небольшая «Повесть» интересна не только своей близостью к фольклору. Под оболочкой сказочного повествования скрывается мысль о необходимости справедливого правления, полного милостей и льгот. Смысл «повести» — в конечных фразах, выражающих вековую мечту народных масс: «И от тех мест стал царь милостив, и льготу стал давать, и дани поубавил, и опять стало все жило». Образ сказочного «укротевшего» царя — это широко популярный сказочный образ, близкий и понятный посадским и крестьянским массам, не освободившимся еще в это время от царистских иллюзий.

«Повесть о разуме человеческого» — свидетельство растущих связей русской литературы XVII в. с литературами и фольклором Востока.

¹² См., например, список Погодина, № 1773: Г. Кушелев-Безбородко. Памятники старинной русской литературы, в. II. СПб., 1860, стр. 334.